

JEL classification: F22, N44, P42
УДК 94(430)"1939/1945"
DOI 10.17150/2308-2488.2025.26(2).231-268

Н.П. Тимофеева

*Воронежский институт высоких технологий,
г. Воронеж, Российская Федерация*

«Восточные рабочие» в промышленности нацистской Германии: история и память

Аннотация. В статье представлена проблема использования принудительного труда «восточных рабочих», то есть депортированных в нацистскую Германию советских граждан в промышленности «третьего рейха». Выводы автора базируются на материалах интервью с бывшими «восточными рабочими», а также документах тематических сборников, опубликованных в Федеративной Республике Германии и посвященных нацистскому принудительному труду. В статье показаны условия жизни и труда советских невольников «третьего рейха», демографические данные депортированных из СССР рабочих в годы второй мировой войны, изменение их положения в связи с поражением вермахта на Восточном фронте и, как следствие, неуклонно возрастающим дефицитом рабочих рук в немецкой промышленности. Отмечается, что попытки руководства нацистской Германии решить вопрос без особых затрат, повысив заинтересованность в труде «восточных рабочих» (незначительно улучшив снабжение, разрешив конфессиональное попечение «восточных рабочих», предоставив право на реализацию продуктовых карточек и т.д.), не дали ожидаемых результатов. Уже к концу 1944 г. производительность германской промышленности снизилась не только из-за нехватки сырья и разрушений производственных объектов и транспортных путей, вызванных налетами авиации союзников, но и из-за истощения привлекавшейся иностранной рабочей силы, прежде всего, многочисленных работников принудительного труда из Советского Союза. В завершение статьи затрагивается вопрос трудной памяти о

«восточных рабочих» после поражения германского фашизма и возмещении ущерба подневольным рабочим через германский фонд «Память, ответственность и будущее».

Ключевые слова. «Восточные рабочие», промышленность нацистской Германии, дефицит рабочих рук, депортация, дискриминация, трудовые ресурсы, принудительный труд.

Информация о статье. Дата поступления 7 мая 2025 г.; дата принятия к печати 10 июня 2025 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2025 г.

N.P. Timofeeva

*Voronezh Institute of High Technologies,
Voronezh, the Russian Federation*

"Eastern Workers" in the Industry of Nazi Germany: History and Memory

Abstract. This article explores the issue of the use of forced labor by "Eastern workers," referring to Soviet citizens deported to Nazi Germany for industrial work in the Third Reich. The author's conclusions are based on interviews with former "Eastern workers" and on archival and documentary collections published in the Federal Republic of Germany that address the topic of Nazi forced labor. The article highlights the living and working conditions of Soviet forced laborers, demographic data on deported workers from the USSR during World War II, and how their situation evolved in response to the Wehrmacht's defeats on the Eastern Front and the resulting growing labor shortages in the German wartime economy. It is noted that attempts by the Nazi leadership to address labor issues with minimal expenditure — such as slightly improving provisions, allowing religious care, and granting the right to use ration cards — did not yield the desired outcomes. By the end of 1944, the productivity of the German industry declined not only due to a lack of raw materials and the destruction of infrastructure caused by Allied air raids, but also because of the exhaustion of the foreign labor force, particularly the mass of forced laborers from the Soviet Union. The con-

cluding part of the article addresses the complex legacy and memory of the "Eastern workers" after the fall of Nazi Germany and the subsequent efforts to provide compensation to these victims through the German foundation "Remembrance, Responsibility and Future."

Keywords. "Eastern workers", Nazi Germany's industry, labor shortages, deportation, discrimination, labor resources, forced labor.

Article info. Received May 7, 2025; accepted June 10, 2025; available online June 30, 2025.

Проблема принудительного труда советских граждан в нацистской Германии оказалась в поле зрения отечественных историков лишь после появления в 1996 г. книги Павла Поляна «Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация» [1]. Эту книгу автор дополнил, переработал и переиздал в 2002 г. [2]. Замалчивание сложной темы, оставшееся российским историкам в наследство от Советского Союза, было прервано.

Первые десятилетия нового века ознаменовались выходом яркой монографии М.Е. Ерина «Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945» [3] и добротным исследованием Е.Л. Данченко «Батраки поневоле. Принудительный труд «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии (1941–1945 гг.)» [4]. Основополагающее значение имели изданные на русском языке труды германских историков — К. Штрайта [5], Р. Келлера и Р. Отто [6]. Следует отметить, что в германской историографии проблема нацистского принудительного труда советских граждан получила серьезное признание не в последнюю очередь благодаря усилиям названных авторов.

Для первой четверти XXI в. характерно обилие статей, вышедших из-под пера российских историков и явившихся, по сути, реакцией на компенсационные выплаты Германии бывшим советским работникам нацистского принудительного труда, «восточным ра-

бочим» и позже военнопленным. Фундаментальных трудов, посвященных этой комплексной теме, в России пока не появилось. Естественный уход из жизни многочисленной группы бывших невольников «третьего рейха», не сумевших представить свои интересы в обществе, может привести к исчезновению этого аспекта истории Второй мировой войны из российской культуры памяти. Справедливости ради следует отметить масштабный международный проект, результатом которого стал виртуальный архив интервью с людьми, прошедшими через испытание неволей в нацистской Германии в 1939–1945 гг.¹ Среди почти 600 интервью 133 состоялись на русском языке. В проекте принимали участие четыре российских группы, включая работавшую под руководством автора этих строк группу из Воронежа.

В данной статье сделана попытка рассмотрения незатронутой ранее отечественными историками проблемы принудительного труда «восточных рабочих» в промышленности «третьего рейха». Исследование базируется на материалах интервью из фондов Научно-образовательного центра устной истории Воронежского института высоких технологий (ВИВТ). Отчасти они представлены в онлайн архиве «Принудительный труд 1939–1945»². Значительный массив информации содержится в изданном в Германии сборнике документов «Принудительный труд в Тюрингии 1940–1945» [7]. Особо следует отметить источники, относящиеся ко времени пребывания у власти нацистов и проливающие свет на эволюцию позиции немецких промышленников и власти в отношении рабочей силы из Советского Союза. К ним относятся: изданный в 1941 г. с расчетом на завербованных советских рабочих «Русско-немецкий словарь в картинках

¹ Принудительный труд 1939–1945: воспоминания и история : сайт. URL: <https://www.zwangsarbeit-archiv.de/ru/index.html>

² Там же.

для каменноугольной промышленности»³ и вышедшие в 1942 г. под эгидой генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, рассчитанные уже на принуждение «Условия эксплуатации труда восточных рабочих» [8]. Эти источники впервые вводятся в научный оборот в России.

С каждым годом Второй мировой войны росли государственные заказы в германской промышленности, но одновременно на службу в вермахт призывался кадровый состав предприятий, что неизбежно приводило к дефициту рабочих рук. Нехватка трудовых ресурсов компенсировалась привлечением иностранной рабочей силы, трудившейся как по найму, так и принудительно. В 1940–1945 гг. в концерне Сименс, одном из ведущих в области электроники, работали принудительно 80 000, а по некоторым оценкам даже 120 000 чел. [9, с. 109].

Среди почти 8 млн иностранных работников принудительного труда в рейхе самой многочисленной группой были рабочие из Советского Союза. Летом 1944 г. они составляли 2 806 203 чел., из них 631 559 — военнопленные, 2 174 644 — гражданские лица, среди которых 1 112 137 — женщины и 1 062 507 — мужчины [10, S. 17].

После поражения под Москвой и осознания несостоятельности концепции молниеносной войны на Востоке нацистскому руководству и промышленникам стало очевидно, что без привлечения советских военнопленных и гражданских лиц решить проблему нехватки рабочих рук в Германии не удастся. Ставка была сделана сначала на вербовку и труд добровольцев. Об этом свидетельствует и изданный Ассоциацией интересов горнодобывающей промышленности уже упомянутый выше «Русско-немецкий словарь в

³ Словарь (Russisch-Deutsches Bilder-Wörterbuch für den Steinkohlenbergbau [Русско-немецкий словарь в картинках для каменноугольной промышленности] / Herausgeber Bergbauverein, Essen. — Essen : Verlag Glückauf G.m.b.H, 1941. — 16 s.) публикуется в качестве приложения к настоящей статье.

картинках для каменноугольной промышленности». В брошюре содержался комплекс понятий, необходимых для работы русскоязычных шахтеров на земной поверхности и под землей. Так, поперечный разрез каменноугольного рудника был представлен в словаре в качестве схемы и снабжен соответствующими разъяснениями: по-русски (рядом русское слово на латинице) и по-немецки (рядом немецкое слово на кириллице). Таким же образом словарь предлагал «нужные предметы для работы» бытового характера, но и – рудничные инструменты, пневматику, пневматические машины, штрековое крепление, крепление в лаве, материальную часть откаточного цеха, воздушную лебедку, рештак, шахтный ствол, транспортеры, поперечный разрез лавы. Завершали брошюру «Правила для работающих под землей» с традиционным для немецких горняков приветствием «Glück auf», что в переводе на русский язык означает: «Счастливо вернуться наверх!». Словарь должен был стать подспорьем для советских граждан, завербованных на работу в Германии. Он демонстрировал практичность подхода к проблеме занятости в каменноугольной промышленности и полное отсутствие привычных нацистских тезисов о «расовой неполноценности» советских граждан. Во имя сохранения прибыли активно поддерживавшие Гитлера и разделявшие постулаты нацистской идеологии промышленники проявляли гибкость и готовность к использованию рабочей силы из СССР⁴.

К 1 октября 1941 г. советские граждане, изъявившие желание отправиться на работу в Германию, составили 25 000 чел. или 0,8 % от общего числа иностранных рабочих [10, S. 19]. К концу 1941 г. стало очевидно, что дальнейшее ведение захватнической войны возможно лишь при условии массовой депортации в рейх миллионов советских граждан.

⁴ См. Приложение.

В них нуждалось не только сельское хозяйство, но и промышленность. Надежда на близкое возвращение с фронта немецких рабочих таяла с каждым месяцем войны.

21 марта 1942 г. Гитлер назначил Фритца Заукеля, рейхсгубернатора и гауляйтера⁵ Тюрингии, генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, что соответствовало рангу министра. Ф. Заукель основательно сотрудничал с Альбертом Шпеером, который отвечал в качестве имперского министра вооружения и военного производства также за строительство дорог и укреплений, водное снабжение и энергетику, испытывал, таким образом, бесконечную потребность в рабочей силе⁶.

О положении дел в германской промышленности в 1942 г. свидетельствует следующее обращение к рейхсгубернатору Тюрингии: «Фирма Карл Цейсс испытывает чрезвычайную нужду в абсолютно необходимой рабочей силе. <...> Агентство по трудоустройству не обещает какой-либо помощи в соответствии с современным положением дел с трудовыми ресурсами, более того, наше предприятие должно предоставить 60 чел. сельскому хозяйству на уборку сахарной свеклы» [7, S. 30] Фирма заявляла об остром дефиците рабочих рук. И объясняла: «С 1 января 1942 г. до 31 августа 1942 г. в вермахт призвано 2675 рабочих фирмы Карл Цейсс, а именно: 1362 высококвалифицированных рабочих, 601 рабочий с частичной квалификацией, 380 неквалифицированных рабочих, 332 служащих. Кроме того, 1599 чел. уволены по разным причинам. Итого: не хватает 4274 рабочих» [ibid, S. 34].

К ноябрю 1942 г. в Германию были доставлены 2,75 млн невольников, среди них 1,4 млн из Советского

⁵ Гау — административно-территориальная единица в нацистской Германии. Гауляйтер (Gauleiter) — руководитель гау.

⁶ С 1943 г. А. Шпеер являлся имперским министром военной промышленности.

Союза [10, S. 20]. Транспортировка советских граждан в рейх проходила в вагонах для скота, зачастую без еды и воды, в угрожающих жизни и здоровью обстоятельствах [11]. Транспортные списки служили основой для трудовых карточек, которые хранились чаще всего на биржах труда в землях, куда преимущественно и попадали прибывшие. Все трудовые карточки содержали отпечаток указательного пальца и фотографию «восточного рабочего». Распределение трудовых ресурсов осуществлялось в соответствии с запросами предприятий через Управление по планированию.

Использование труда иностранцев явилось вынужденным компромиссом между потребностями экономики и идеологическими постулатами «третьего рейха». В основе этого компромисса лежала дискриминация иностранцев. Условия пребывания «восточных рабочих» в Германии определялись специальными указами⁷, они гарантировали максимальный уровень эксплуатации и изоляции советских граждан от немецкого населения. Бывший «восточный рабочий» Иван Васильевич Князев вспоминал экстремально тяжелые условия труда на предприятии, куда его забросила судьба из Землянского района Воронежской области: «В лагерь нас водили с собаками. На фабрике заставляли работать. Кого — что там. Кто разгружал, кто помогал. Номера были там и ОСТ, такой, нашитый. Нас никуда не пускали, переводчик был в лагере. <...> Заставляли нас учиться на слесарей. Дали тиски, железа кусок и напильнички. И мы пилили там, чтоб под угольничек подвесить, чтоб ровно — слесарное дело. <...> Приходили, номера наши читали, и когда мы вставляли, отзывались: "номер такой". И все по-немецки. <...> Отходить далеко надолго нельзя было, если заметит, он тебя и ударит. И в этом лагере очень много уже

⁷ Указы об условиях использования «восточных рабочих» — Ostarbeitererlasse.

людей умирало. Так катафалк — черный ворон — и ходил по лагерю. Умер, и отвозили — куда, не знаю»⁸.

Работа в промышленности означала тяжелый казарменный труд в колоннах. «Восточные рабочие» находились под постоянным надзором. Лагеря, в которых они размещались, огораживались колочей проволокой. Выход за пределы лагеря строго регламентировался. Болезнь, беременность или роды не являлись основанием для освобождения работниц из Советского Союза от трудового процесса. С начала 1943 г. все работницы принудительного труда должны были начать трудиться сразу после появления на свет ребенка. В случае беременности многие женщины подвергались насильно абортam. Рожденных в Германии детей помещали в приюты, где большинство младенцев умирало. Только в регионе, охватывающем часть земли Нижняя Саксония, было 58 таких заведений, из 4 тыс. содержащихся там младенцев погибло около 3 тыс. [12, S. 141–143].

Стигматизация «восточных рабочих» осуществлялась обязательным ношением на одежде сине-белой нашивки «OST», свою роль играли также существовавшие на предприятиях дискриминирующие предписания, в которых подчеркивалось превосходство немцев. Какой-либо контакт их с советскими гражданами исключался. Неизбежное во время производственного процесса взаимодействие предполагало обязательное посредничество переводчика. Немецким рабочим строго запрещалась любая торговля с «восточными рабочими», а также обмен с ними, особенно это касалось табачных изделий и продуктов питания. Под запрет попадали также подарки и пожертвования, пересылка писем или предоставление транспорта [7, S. 145–146]. Категорически исключались сексуальные отношения «восточных рабочих» с гражданами рейха и иностранны

⁸ Принудительный труд 1939–1945: воспоминания и история : сайт. URL: [https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/inter-views/za342?fulltext=Князев Иван&checked_ohd_session=true](https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/inter-views/za342?fulltext=Князев+Иван&checked_ohd_session=true).

ми рабочими из европейских стран. Следует при этом отметить, что почти все бывшие «восточные рабочие» вспоминали о помощи им немцев в той или иной форме, иногда она была просто спасительной [13, с.149–153].

Оплата труда «восточных рабочих» в промышленности была принципиально хуже не только по сравнению с немецкими рабочими, но и с работниками принудительного труда из западноевропейских стран. В последние военные годы невольников «третьего рейха» из Советского Союза стимулировали к работе аккордного характера более высоким заработком. Различные налоги, высокие отчисления за проживание, питание и спецодежду приводили, однако, к тому, что, несмотря на рабочую неделю продолжительностью в 72 часа, «восточные рабочие» получали очень мало. Их заработок составлял в лучшем случае 25 % от полагавшегося им вознаграждения. Труд молодых девушек оплачивался при этом по самым низким расценкам.

Условия жизни и труда «восточных рабочих» в Германии приводили к различным формам протеста, из которых наиболее распространены были саботаж, порча продукции⁹ и побег. 30 июля 1942 г. представитель Тюрингского акционерного общества Цельволле информировал биржу труда в Заальфельде о 42 «восточных рабочих», сбежавших в первые несколько ночей после прибытия в лагерь. 26 из них были возвращены, место пребывания 16 осталось неизвестным. «Большинство демонстрирует нежелание трудиться и пытается оказывать пассивное сопротивление», — сообщалось в письме [7, S. 181]. Попытки «восточных рабочих» протестовать против бесчеловечного обращения руководства предприятия или администрации

⁹ У.В.В. вспоминала: «... а фрезер вот так вот точит, я поставлю, он все срежет там, и на утро, как глянешь, там половина ящика. И они заметили, и начали за нами следить. ...Мы тогда в карман наберем этих деталей, а фабрика над речкой стояла, идем домой, выходим и кидаем деталь. Все поменьше вам, падлам, за то, что вы так над нами издеваетесь» [13, с. 158–159].

лагеря заканчивались чаще всего жестоким наказанием зачинщиков¹⁰.

Столь мощного потока «восточных рабочих», как в 1942 г., нацистам добиться больше не удалось, поражение вермахта под Сталинградом и серьезное ухудшение ситуации на Восточном фронте привело к снижению количества депортаций в Германию из оккупированных районов СССР. Наступление Красной армии вызвало и дальнейшее изменение состава «восточных рабочих», пополнение их состояло теперь в основном из женщин, детей и стариков. С конца 1942 г. были сняты возрастные ограничения для депортированных из Советского Союза. Среди 500 советских граждан, захваченных при отступлении немцев с оккупированных ранее советских территорий и переданных сталелитейному концерну Август-Тиссен-Хютте, были дети — сто шестьдесят один человек в возрасте от месяца до 14 лет, сорок девять непригодных к труду мужчин и шестьдесят девять женщин [10, S. 34–35]. При этом потребность в рабочей силе на промышленных предприятиях нацистской Германии неуклонно росла, особенно с началом всеобщей мобилизации, объявленной в связи с битвой под Сталинградом.

С осени 1943 г. концерны начали выражать недовольство качеством поставляемой им рабочей силы. В ноябре 1943 г. врач, работавший на предприятиях Густлофф — Верке, крупнейшего концерна по производству оружия в центральной Германии, сообщал в Тюрингское

¹⁰ С.И. Шкатула рассказывала о начале своего скорбного пути от завода «Адлерверке» во Франкфурте-на-Майне (земля Гессен) до концентрационного лагеря Равенсбрюк: «А кормили, кроме брюквы и шпината — ничего. Вообще еще хуже стало после бомбежки, после всего. И поэтому мы сделали там забастовку. Не стали брать пищу ихнюю. Мы не могли работать, работать невозможно было. А потом утром погнали <...> вечером мы не взяли эту баланду, утром нас опять погнали на завод. Там выстроили всех и говорят: “Кто вчера не брал ужин, выйдите вперед”. <...> Нас отсчитали 10 человек, эсесовцы с собаками, в машину и во Франкфуртскую тюрьму» [14, с. 270].

продовольственное управление: «В нашем лагере находятся пятьдесят пять семей восточных рабочих¹¹ с их ста двадцатью четырьмя детьми различного возраста. Они были взяты в процессе оставления нами занятых ранее областей и прибыли после трехмесячного марша и перевозок. Состояние здоровья этих людей, особенно детей, жалкое. Менее чем за четыре недели семь детей в возрасте 2-3 лет стали жертвами инфекций. Но непосредственной причиной смерти должны быть названы отсутствие сопротивляемости и уязвимость вследствие плохого питания и состояния сил. Существующая ныне норма молока в размере 0,5 литра на ребенка в день не позволяет улучшить здоровье детей, тем более, что большинство детей не переносят обычную лагерную пищу. Если эта ситуация сохранится, следует ожидать гибели большего числа детей, что вызовет беспокойство у родителей и других лагерников. В интересах сохранения жизни детей, а также воли к труду их родителей мы должны гарантировать ста двадцати четырем детям дополнительно молоко и продукты питания» [7, S. 132].

В соответствии с предписаниями компании Телефункен, «среднестатистические рабочие» имели возможность прогулки за пределами лагеря «один раз в неделю, а именно в воскресенье». «Восточных рабочих», «допустивших какие-либо нарушения» лишали прогулок, которые всегда осуществлялись в колоннах, в сопровождении назначенного из их рядов старосты или представителей администрации лагеря [ibid, S. 165]. Несмотря на поднадзорность и враждебное окружение, время за пределами лагеря ценилось «восточными рабочими». Прогулки обеспечивали смену обстановки, наблюдение за иной и чужой для них реальностью. Они делали возможными проявления недопустимых в лагере чувств. 22 февраля 1943 г.,

¹¹ Здесь и далее в цитируемых документах понятие «восточные рабочие» в кавычки не берется. Оно появилось в нацистской Германии, а после 1945 г. было взято на вооружение историками. Кавычки призваны подчеркнуть характер заимствования.

то есть после победы под Сталинградом и перед Днем Красной армии, блокляйтер НСДАП в Йене негодовал и просил министерство внутренних дел обратить внимание на следующий случай: «В воскресенье после обеда во время многочисленных прогулок произошло постыдное событие. Собралось целое стадо восточных работниц, которые думали, что они поют. В действительности же они кричали и производили впечатление, как будто устраивали парад. Перед одним отрядом колонны шла одна с дубинкой. Это выглядело как празднование 25-летнего юбилея Красной армии на природе. Поведение восточных работниц вызвало возмущение каждого наблюдавшего это представителя немецкого народного сообщества. Чувства многочисленных скорбящих о павших (под Сталинградом. — Н. Т.) оказались глубоко оскорблены» [7, S. 102].

Полученные деньги «восточным рабочим» иногда удавалось использовать для покупки продовольствия. 28 апреля 1943 г. руководитель районного отделения НСДАП информировал бургомистра города Арнштадт: «Восточные работницы стоят в лавках рядом с нашими женщинами или делают покупки в то время, когда наши женщины не могут ходить по магазинам. Восточные работницы пропускают время отдыха и создают впечатление, что их морят голодом. В связи с тем, что они нацелены на самостоятельную покупку **корма** (выделено автором. — Н. Т.), нарушается лагерная дисциплина и снижается естественный надзор за ними руководства предприятия. В самом же лагере уголь расходуется напрасно из-за дополнительного приготовления пищи» [ibid, S. 103]. Подчеркнуто пренебрежительный тон письма в отношении «восточных рабочих» должен был свидетельствовать о безупречной верности автора письма идеям НСДАП.

Тем не менее, в связи с неуклонно ухудшавшейся ситуацией на рынке труда летом 1943 г. «восточные рабочие» получили разрешение покупать в магазинах

товары, которые не пользовались спросом у немецкого населения или были на грани срока годности. В мае 1944 г. рабочие руки стали уже столь ценны, что 100 «восточным рабочим», переведенным в плачевном состоянии на ремонтный завод имперской железной дороги, для поддержания их жизненных сил было выдано «не меньше центнера гороха второго сорта» и разрешение включить в рацион иногда эрзац-кофе вместо чая [7, S. 109–110]. Более того, в Пасхальное воскресенье 1944 г. в «третьем рейхе» состоялась праздничная радиотрансляция для «восточных рабочих» по 15 минут на каждом языке, русском, белорусском, и украинском. «Так как Пасха является у восточных народов главным праздником, то совместное прослушивание трансляции в лагерях для восточных рабочих имеет особое пропагандистское значение», — отмечалось в сообщении Германского трудового фронта¹² [ibid, S. 170–171].

1 июня 1944 г. полиция получила уведомление за подписью начальника Главного управления имперской безопасности Э. Кальтенбруннера с разъяснением по поводу начинавшегося конфессионального попечения «восточных рабочих». Осуществлять его должны были православные священники, прибывшие в Германию вместе с отступавшими из Советского Союза немецкими войсками. В задачу церковных служителей «входило удовлетворение всех религиозных потребностей» «восточных рабочих» в трех полагавшихся каждому священнослужителю гау, а именно: крещение, венчание, похороны, церковные службы и т.д. Все события должны были проходить в простой обстановке в узком кругу родственников и друзей, без участия немцев. Отдельно отмечалось, что церковные браки «восточных рабочих» не признавались в Германии, ибо не имели никакого отношения к гражданскому праву страны [ibid, S. 174–175].

¹² Германский трудовой фронт (Deutsche Arbeitsfront) — объединенный профсоюз работников и предпринимателей в нацистской Германии.

В 1944 г. изменилась риторика официальных документов и поведение немцев по отношению к «восточным рабочим»¹³. 23 июня 1944 г. Германский трудовой фронт выступил с инициативой о продлении для «восточных рабочих» времени прогулок за пределами лагеря вплоть до наступления темноты: «После увеличения рабочего времени до 72 часов в неделю в связи со срочным производством в различных отраслях, как для немцев, так и для иностранных рабочих, неоднократно высказывались предложения о продлении отпуска в летние месяцы и для работников с Востока. Отправной точкой является совершенно правильное понимание того, что при увеличении продолжительности рабочего дня работникам с Востока необходимо также предоставить возможность отдохнуть посредством соответствующих физических упражнений на свежем воздухе» [7, S. 176]. Эти попытки без дополнительных затрат снизить напряжение между работодателями и «восточными рабочими», повысив трудоспособность последних, изменить уже ничего не могли. К концу 1944 г. производительность германской промышленности снизилась не только из-за нехватки сырья и разрушений производственных объектов и транспортных путей, вызванных налетами авиации союзников, но и из-за истощения привлекавшейся иностранной рабочей силы, прежде всего, многочисленных работников принудительного труда из Советского Союза.

Продолжительный рабочий день, неполноценное питание, отсутствие медицинской помощи, психологическое давление со стороны работодателя и физическое насилие приводили к неуклонному росту заболеваемости и смертности среди «восточных рабочих». Количество не переживших неволю являлось чрезвычайным. Так как они не были застрахованы, главным образом предприятие брало на себя расходы, связанные с погребением. Лишь в малой доле эти расходы покрывало

¹³ «Растет эта капуста. Меня заставляют... Kommen, пани. Тут он уже пани называл...» [12, с.161].

ведомство трудовых ресурсов. Хоронили «восточных рабочих» «простейшим способом» [8, s. 24]. Их могилы находились на, так называемых, «русских кладбищах», располагавшихся вдали от немецких могил на городских или сельских кладбищах, в усадьбах немцев, у дороги, на территории предприятий, иными словами — везде. Захоронения были зачастую безымянны.

После Победы над германским фашизмом, уже летом 1945 г., началась работа по учету мест захоронения погибших в неволе советских граждан. Масштаб задач, с которыми столкнулась при этом Советская военная администрация в Германии (СВАГ), превышал возможности офицеров, занимавшихся данным вопросом. Многие остались неизвестными.

В 1946 г. Международный военный трибунал в Нюрнберге осудил организацию принудительного труда граждан, депортированных из оккупированных стран в нацистскую Германию¹⁴. Тем не менее, по разным причинам трагедия «восточных рабочих», занятых в экономике нацистской Германии, замалчивалась в обоих немецких государствах. Лишь в 1980-е гг. эта тема начала привлекать внимание историков ФРГ и неожиданно стала одной из главных в школьном конкурсе проектов, объявленном фондом им. Кербера [16]. Тогда же появились первые попытки встроить использование принудительного труда иностранцев в историю предприятий¹⁵.

12 августа 2000 г. в силу вступил федеральный закон о создании фонда «Память, ответственность и будущее», располагавшего суммой в 10 млрд марок. Она состояла из равных частей — правительства и концернов. Оставшиеся в живых и вернувшиеся на Родину бывшие

¹⁴ Приговор гласит: «Планируя в самых широких масштабах использование населения оккупированных стран для рабского труда, германское правительство рассматривало эту меру как неотъемлемую часть военной экономики и планировало, и организовывало это конкретное военное преступление до последней мельчайшей детали» [15, с. 373].

¹⁵ Речь идет, например, о музее концерна Фольксваген.

«восточные рабочие», вынужденно трудившиеся на промышленных предприятиях нацистской Германии, получили каждый от 5 до 10 тыс. марок компенсации. Эти средства стали символическим признанием вины ФРГ за преступления нацизма в отношении «восточных рабочих»¹⁶ и утверждением коллективной вины немецкой экономики. Вопрос о возмещении ущерба подневольным рабочим в нацистской Германии и связанных с ним преступлениях перешел в сферу культуры памяти, оставив исследователям множество нерешенных проблем. Их актуальность особенно очевидна в год 80-летия Победы, память о которой включает также внимание к многочисленным группам жертв войны.

¹⁶ Прозвучало и официальное извинение федерального президента Йоханнеса Рау.

Список использованной литературы

1. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация / П.М. Полян. — Москва : Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. — 442 с.
2. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине / П.М. Полян. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 978 с.
3. Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941-1945. Проблемы исследования / М.Е. Ерин. — Ярославль : ЯрГУ, 2005. — 178 с.
4. Данченко Е.Л. Батраки поневоле. Принудительный труд «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии (1941-1945 гг.) / Е.Л. Данченко. — Воронеж : Воронежский гос. пед. ун-т, 2012. — 168 с.
5. Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941 — 1945 гг. / К. Штрайт. — Москва : Русская панорама, 2009. — 480 с.
6. Отто Р. Советские военнопленные в системе концлагерей Германии / Р. Отто, Р. Келлер. — Москва : Аспект Пресс, 2020. — 400 с.
7. Zwangsarbeit in Thüringen 1940-1945. Quellen aus den Staatsarchiven des Freistaates Thüringens / hg. Moczarski Norbert, Post Bernhard, Weiß Katrin. — Erfurt : Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, 2002. — 274 s.

8. Küppers H. Einsatzbedingungen der Ostarbeiter sowie der sowjetischen Kriegsgefangenen. Sonderveröffentlichung des Reichsarbeitsblattes / H. Küppers, R. Bannier. — Berlin, 1943. — 215 s.
9. Лельке Я. Принудительный труд на заводе Сименс в Равенсбрюке / Я. Лельке // Принудительный труд 1939-1945. Опыт международного проекта / сост., отв. ред. Н.П. Тимофеева. — Воронеж : Научная книга, 2020. — С. 108-120.
10. Eichholz D. Zwangsarbeit in der deutschen Kriegswirtschaft. Unter besonderer Berücksichtigung der Rüstungsindustrie / D. Eichholz // hg. Winkler U. Stiften gehen. NS-Zwangsarbeit und Entschädigungsdebatte / U. Winkler. — Köln : PapyRossa-Verl., 2000. — S. 11-40.
11. Timofeeva N. "Das war der Anfang unseres Unglücks..." — Der Weg in die Fremde in Erinnerungen der Ehemaligen "Ostarbeiter" / N. Timofeeva // Im Schatten des totalen Krieges: Raubgut, Kriegsgefangenschaft und Zwangsarbeit / hg. Ch. Hemken, K.-H. Ziessow. — Museumsdorfs Cloppenburg, 2018. — S. 267-276.
12. Hoffmann K. Zwangsarbeit in der Landwirtschaft / K. Hoffmann // hg. Winkler U. Stiften gehen. NS-Zwangsarbeit und Entschädigungsdebatte — Köln : PapyRossa-Verl., 2000. — S. 130-147.
13. Тимофеева Н.П. Из интервью с бывшей «восточной рабочей» У.В.В., 1926 г. рожд. (Воронежская область) / Н.П. Тимофеева // Принудительный труд 1939-1945. Опыт международного проекта / сост., отв. ред. Н.П. Тимофеева. — Воронеж : Научная книга, 2020. — С. 134-193.
14. Тимофеева Н.П. С.И. Шкатула п. Солнечногорский, Крым / Н.П. Тимофеева // «Детство у меня было...». Обзор концентрационного лагеря в воспоминаниях бывших несовершеннолетних узников : сб. статей / сост., науч. ред. Н.П. Тимофеева. — Воронеж, 2010. — С. 267-318.
15. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками : сб. материалов в 7 т. / общ. ред. Р.А. Руденко. — Москва : Госюриздат, 1961. — Т. 7. — 760 с.
16. Борозняк А.И. Против забвения / А.И. Борозняк. — Москва : Пик, 2006. — 240 с.

References

1. Polyan P.M. *Victims of Two Dictatorships: Ostarbeiters and Prisoners of War in the Third Reich and Their Repatriation*. Moscow, Vash vybor TSIRZ Publ., 1996. 442 p.

2. Polyan P.M. *Victims of Two Dictatorships: Life, Labor, Humiliation and Death of Soviet Prisoners of War and Ostarbeiters Abroad and at Home*. 2nd ed. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2002. 978 p.

3. Erin M.E. *Soviet Prisoners of War in Nazi Germany, 1941–1945: Research Problems*. Yaroslavl State University Publ., 2005. 178 p.

4. Danchenko E.L. *aborers Against Their Will: Forced Labor of "Eastern Workers" in Nazi Germany's Agriculture (1941–1945)*. Voronezh State Pedagogical University, University Publ., 2012. 168 p.

5. Shtrait K. *Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die Söwjetischen Kriegsgefangenen. 1941–1945*. Neuausg. Bonn, Dietz, 1997. 448 p. (Russ. ed.: Shtrait K. "Oni nam ne tovarishchi...": The Wehrmacht and Soviet Prisoners of War, 1941–1945. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2009. 480 p.).

6. Otto R., Keller R. *Sowjetische Kriegsgefangene im System der Konzentrationslager*. Wien; Hamburg, New Academic Press, 2019. (Russ. ed.: Otto R., Keller R. *Soviet Prisoners of War in the German Camp System*. Moscow, Aspekt Press Publ., 2020. 400 p.).

7. Moczarski Norbert, Post Bernhard, Weiß Katrin (hg.). *Zwangsarbeit in Thüringen 1940–1945. Quellen aus den Staatsarchiven des Freistaates Thüringens*. Erfurt, Landeszentrale für politische Bildung Thüringen, 2002. 274 s.

8. Küppers H., Bannier R. *Einsatzbedingungen der Ostarbeiter sowie der sowjetischen Kriegsgefangenen. Sonderveröffentlichung des Reichsarbeitsblattes*. Berlin, 1943. 215 s.

9. Lel'ke YA. Forced labor at the Siemens factory in Ravensbrück. In Timofeeva N.P. (ed.). *Forced Labor 1939–1945: Experience of an International Project*. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2020, pp. 108–120.

10. Eichholz D. Zwangsarbeit in der deutschen Kriegswirtschaft. Unter besonderer Berücksichtigung der Rüstungsindustrie. In Winkler U. (et al.). *Stiften gehen. NS-Zwangsarbeit und Entschädigungsdebatte*. Köln, PapyRossa-Verl., 2000. S. 11–40.

11. Timofeeva N. "Das war der Anfang unseres Unglücks..." — Der Weg in die Fremde in Erinnerungen der Ehemaligen "Ostarbeiter". In Hemken Ch., Ziessow K.-H. (hg.). *Im Schatten des totalen Krieges: Raubgut, Kriegsgefangenschaft und Zwangsarbeit*. Museumsdorf Cloppenburg, 2018. S. 267–276.

12. Hoffmann K. Zwangsarbeit in der Landwirtschaft. Winkler U. (hg.). *Stiften gehen. NS-Zwangsarbeit und Entschädigungsdebatte*. Köln, PapyRossa-Verl., 2000. S. 130–147.

13. Timofeeva N.P. From an interview with former "Eastern worker" U.V.V., born in 1926 (Voronezh Oblast). Timofeeva N.P.

(ed.). *Forced Labor 1939–1945: Experience of an International Project*. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2020, pp. 134–193.

14. Timofeeva N.P. S. I. Shkatula, village of Solnechnogorsky, Crimea. Timofeeva N.P. (ed.). *"I Had a Childhood...": The Image of the Concentration Camp in the Memories of Former Underage Inmates. Collected Papers*. Voronezh, 2010, pp. 267–318. (In Russian).

15. Rudenko R.A. (ed.). *The Nuremberg Trial of the Major German War Criminals*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. Vol. 7. 760 p.

16. Boroznyak A.I. *Against Forgetting*. Moscow, Pik Publ., 2006. 240 p.

Информация об авторе

Тимофеева Наталья Петровна — кандидат исторических наук, доцент, руководитель Научно-образовательного центра устной истории, Воронежский институт высоких технологий, г. Воронеж, Российская Федерация; e-mail: timnp@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-5368-6144>; SPIN-код:1156-8759; AutorID РИНЦ: 710352.

Author

Natalya P. Timofeeva — Ph.D. in History, Associate Professor, Head of Educational and Research Center for Oral History, Voronezh Institute of High Technologies, Voronezh, the Russian Federation; e-mail: timnp@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-5368-6144>; SPIN-Code:1156-8759; AutorID RSCI: 710352.

Для цитирования

Тимофеева Н.П. «Восточные рабочие» в промышленности нацистской Германии: история и память / Н.П. Тимофеева. — DOI 10.17150/2308-2488.2025.26(2).231-268. — EDN VHWWEM // Историко-экономические исследования. — 2025. — Т. 26, № 2. — С. 231–268.

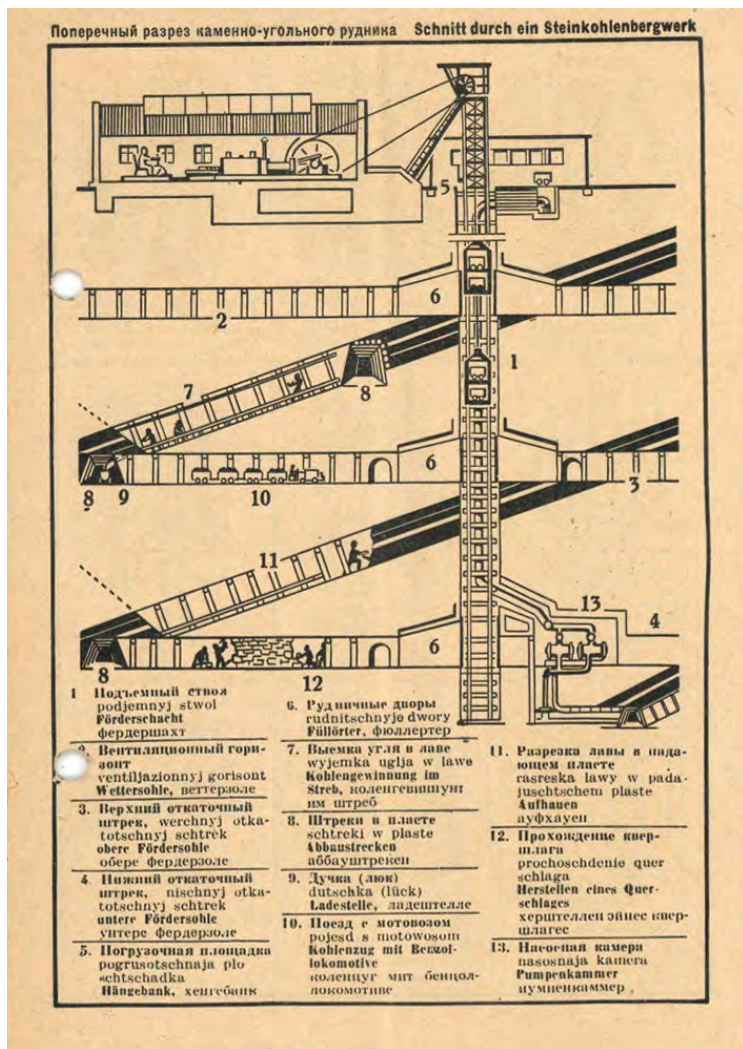
For Citation

Timofeeva N.P. "Eastern Workers" in the Industry of Nazi Germany: History and Memory. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2025, vol. 26, no. 2, pp. 231–268. (In Russian). EDN: VHWWEM. DOI: 10.17150/2308-2488.2025.26(2).231-268.

Приложение

Приложение

2 Нужные предметы для работы Das nötige für die Arbeit		
 <p>Номер номер Markennummer маркеннуммер</p>	 <p>1. Бакланка 2. Бутерброд 1. baklaschka 2. buterbrot 1. Kaffeepulle 2. Butterbrot 1. кафепулле 2. буттерброт</p>	 <p>1. Полотенце 2. Мыло 1. polotenze 2. mylo 1. Handtuch 2. Seife 1. хандтух 2. зейфе</p>
 <p>Цепь для одежды zer dlja odeschdy Kleideraufzug клейдерауфцуг</p>	 <p>Вешалки weschalki Kleiderhaken клейдерхакен</p>	 <p>Душ dusch Brause браузе</p>
 <p>1. Пиджак 2. Брюки 1. pidschak 2. brjuki 1. Jacke 2. Hose 1. якке 2. хозе</p>	 <p>Рабочие ботинки rabotschije botinki Grubenschuh грубеншу</p>	 <p>Кожаная каска koschanaja kaska Lederhelm ледерхельм</p>

Приложение

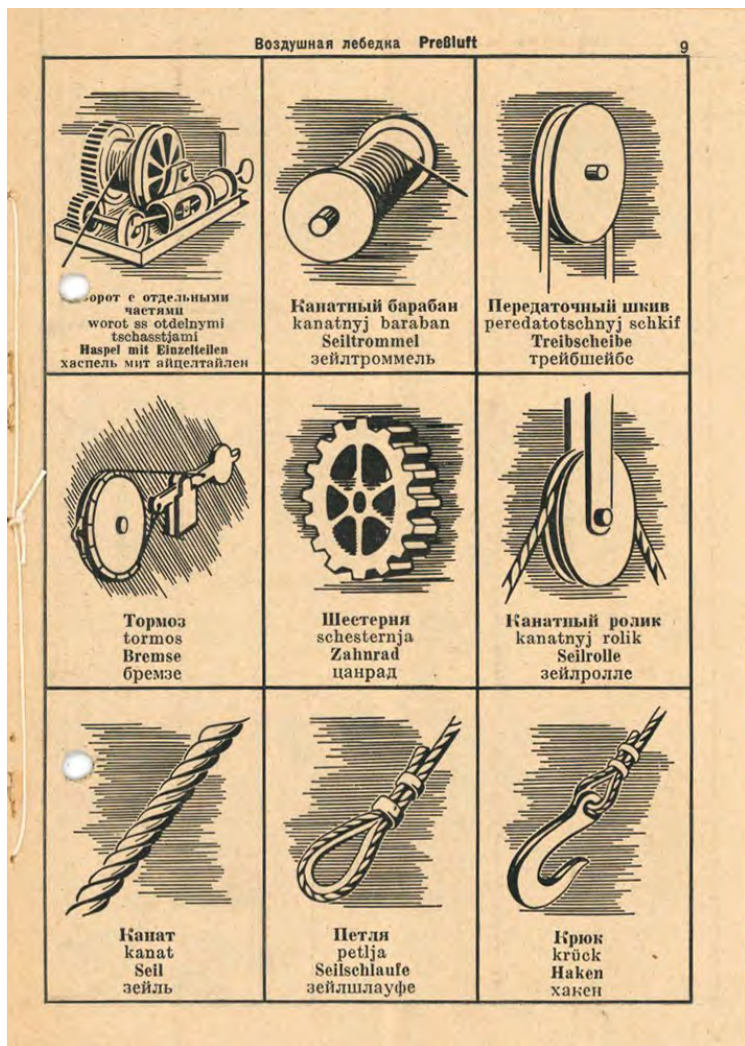
Приложение

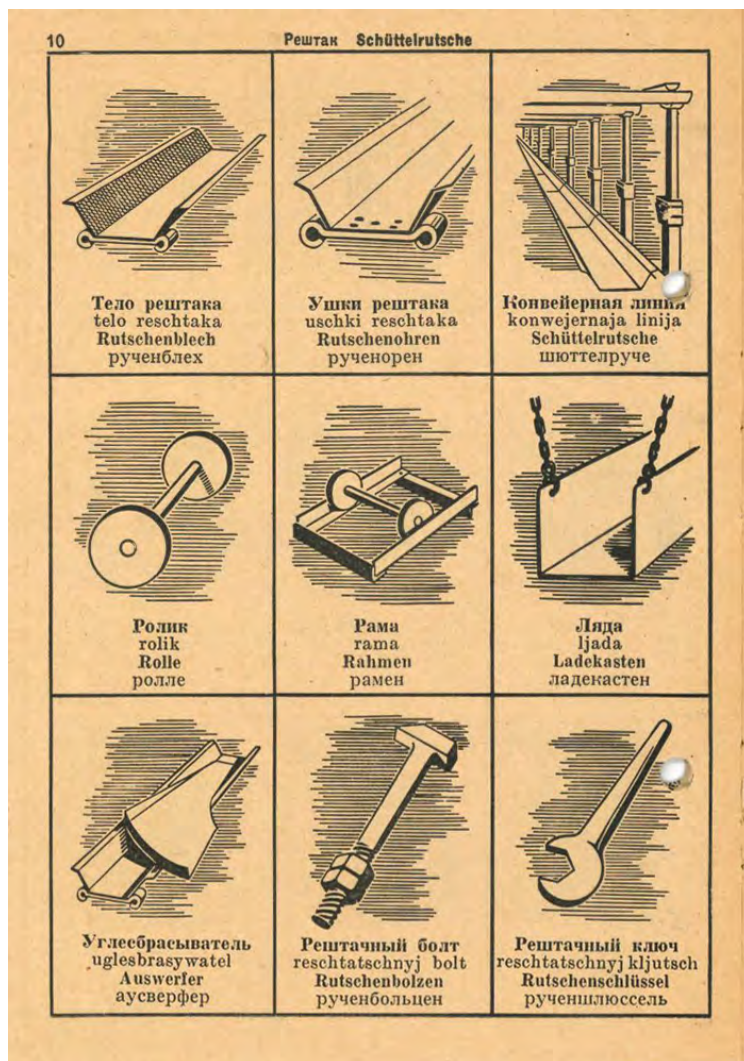

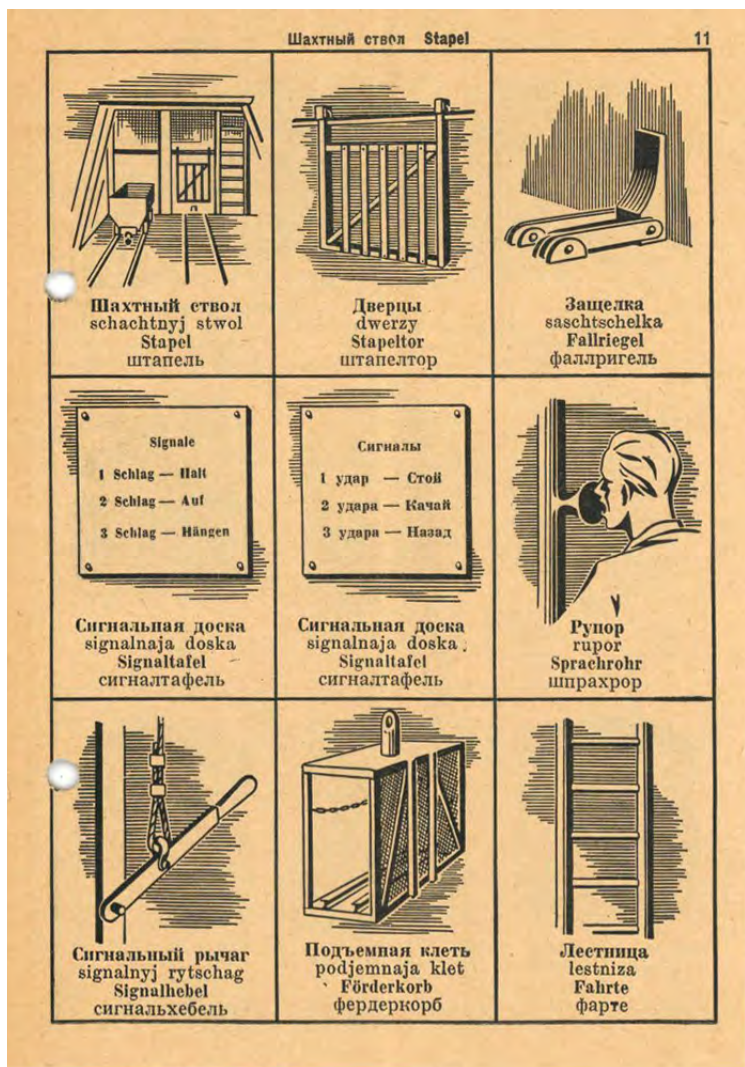
Приложение

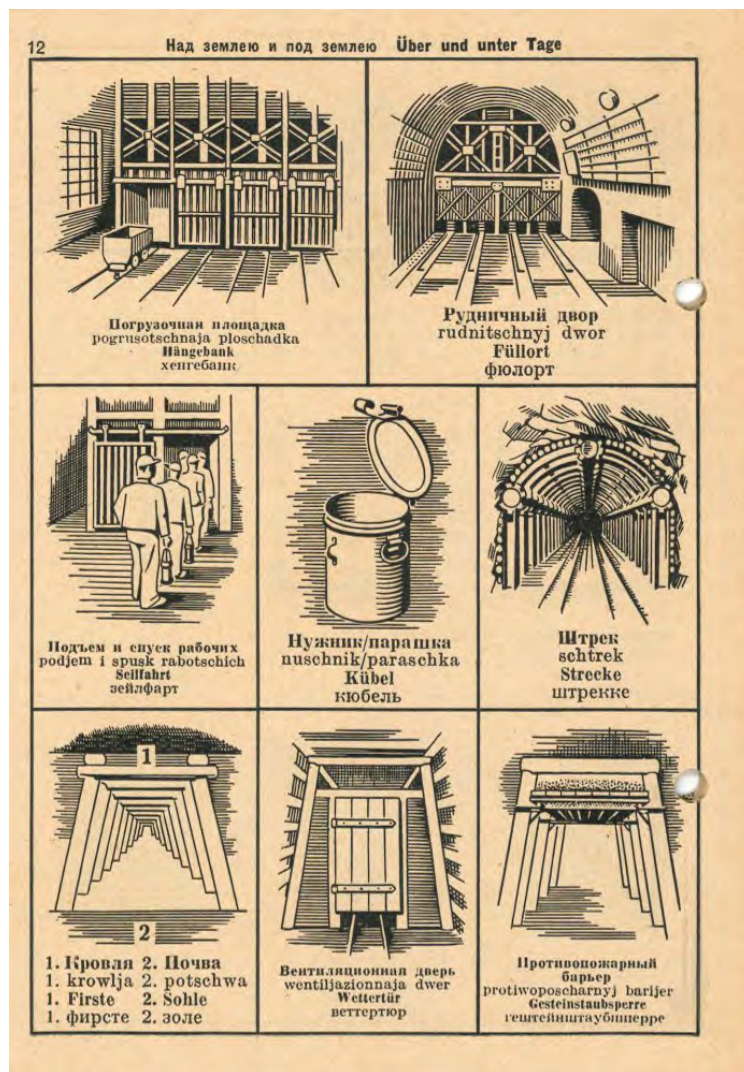

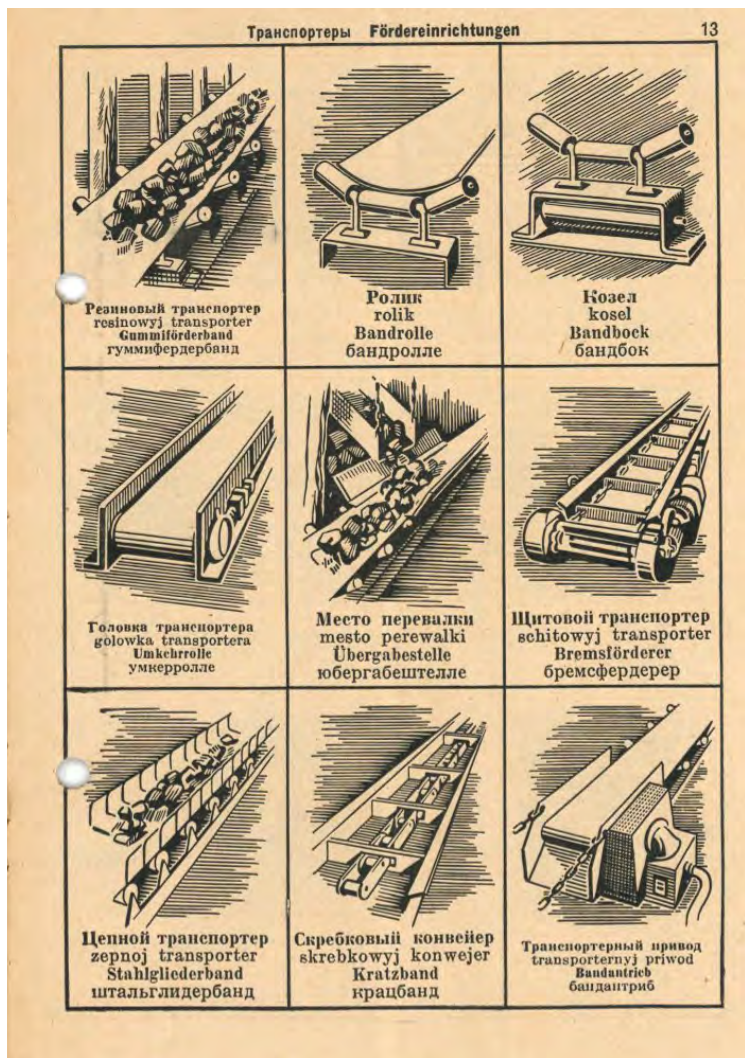
Приложение

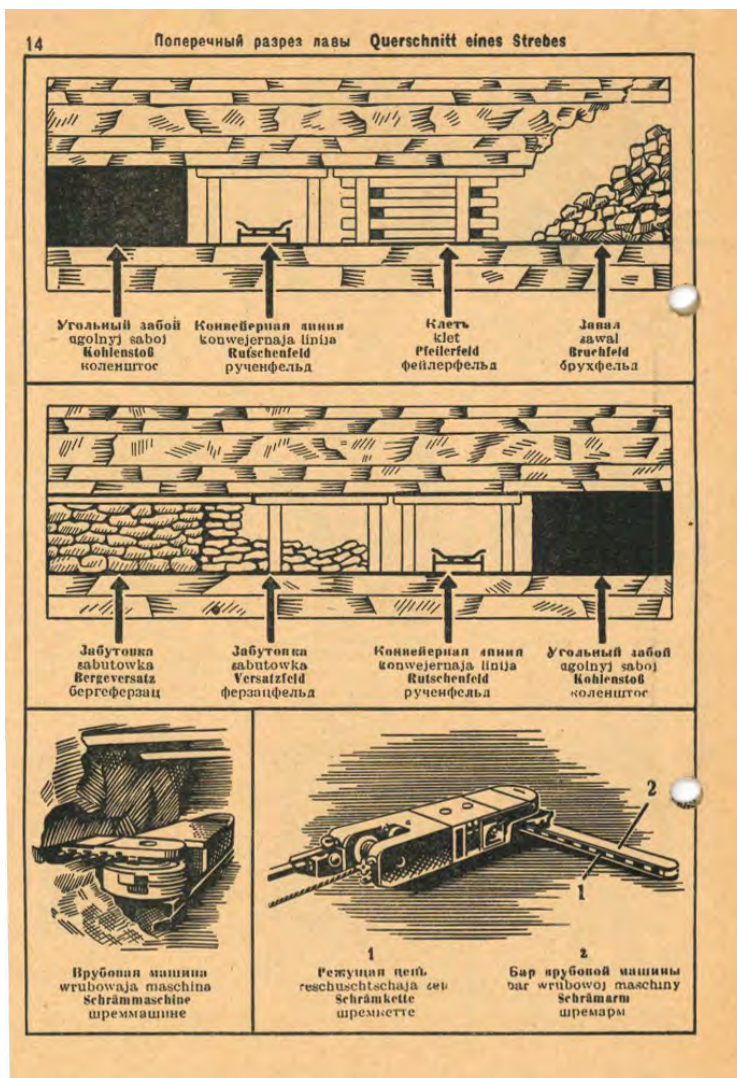

Приложение

Приложение

Приложение

Правила для работающих под землею

Твой привет: »Глюкауф«!

1. Безопасность в шахте требует, чтобы каждый горнорабочий охранял свою жизнь и жизнь своих товарищей от опасности.
2. На работе подчиняйся всем указаниям штейгеров и десятников.
3. Все орудия труда, машины и приспособления, обеспечивающие безопасность, ты должен содержать в образцовом порядке. Без разрешения не должен пускать их в ход, заменять или убирать их с рабочего места.
4. Соблюдай все правила техники безопасности.
5. О всякой опасности немедленно заявляй ближайшему штейгеру.
6. Категорически запрещено брать с собой в шахту алкогольные напитки. Пьяные до работы не допускаются.
7. Брать с собой в шахту спички, зажигалки и табак строго запрещено.
8. Лампу открывать не разрешается. Испорченную лампу ты должен возвращать.
9. Без лампы ты не должен ходить или работать в шахте. При откатке вагонеток лампу вешай впереди, чтобы встречные могли видеть ее.
10. Не ходи в перекрещенные забой.
11. Запрещено заменять или снимать вентиляционное оборудование. Закрывай за собой вентиляционные двери.
12. Самовольная езда на шахтных вагонетках запрещается.
13. Заходи в клеть лишь по разрешению стволового. Во время езды в клеть закрывай за собой все двери и засовы.
14. Во время паления шнуров уходи в безопасное место.
15. Твой забой должен быть закреплен.
16. Для удовлетворения естественных надобностей пользуйся исключительно нужниками (парашками).
17. Соблюдение правил охраняет тебя и твоих товарищей от опасности.